

ФИЛОСОФИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Некоторые черты религиозных представлений носителей культуры Саньсиндуй

Сычуаньская котловина, расположенная на юго-западе Китая в верхнем течении реки Янцзы, со всех сторон окружена горами – хребтами Циньлин и Дабашань на севере, Юньнань-Гуйчжоуским плоскогорьем на юге. В административном отношении она включает в себя современные провинцию Сычуань и город центрального подчинения Чунцин. Район издревле славился мягким климатом и благоприятствовал развитию рисоводства. Земледелие, по оценкам специалистов, появилось здесь четыре-пять тысяч лет назад.

Хотя первые археологические находки были сделаны ещё в начале 30-х гг. XX в. западными специалистами, в дальнейшем Сычуаньская котловина надолго очень сильно отстала по степени изученности от бассейна р. Хуанхэ в Северном Китае, где исследования хотя и начались также по инициативе западных учёных лишь в начале 20-х гг. XX в., но очень быстро были подхвачены молодыми китайскими специалистами. Определённого внимания китайских археологов Сычуаньская котловина удостоилась только в годы антияпонской войны (1937–1945 гг.), когда в Чунцин эвакуировалось правительство Чан Кайши, а вместе с ним и Академия Наук Китая. Однако в годы военного лихолетья финансирование науки было более чем скромным, и археологические работы ограничивались камеральными исследованиями добытого ранее материала (происходящего, в основном, из-за пределов Сычуани и тоже попавшего в эвакуацию) и небольшими полевыми экскурсиями рекогносцировочного характера.

Положение в корне изменилось после победы Народной Революции и образования КНР в 1949 г. Уже в 1950-е гг., в связи с большими объёмами транспортного и гидротехнического строительства,

© Гирченко Е.А., 2014

масштабные археологические разведки и раскопки развернулись практически по всей территории Китая. Не осталась в стороне и Сычуань. Однако бурное развитие археологии и особенно полевых исследований нередко прерывалось по причинам политического характера. Ситуация несколько улучшилась в 70-е гг. и полностью исправилась с началом масштабных экономических реформ в 1980-е гг. XX в. Власти провинциального уровня получили известную экономическую самостоятельность, что, потенциально, открывало путь к процветанию их территории. Примерно в это же время в провинциях были организованы местные Академии Общественных Наук и исследования в этой сфере (к которой относилась и археология) на провинциальном уровне получили относительную организационную и финансовую независимость от пекинского центра. Результатом стал ряд важнейших археологических открытий в разных частях Китая и их теоретическое осмысление на общенациональном уровне. На смену моноцентрической концепции происхождения китайской цивилизации, которая якобы в эпоху неолита зародилась в бассейне р. Хуанхэ, а в эпоху бронзы распространилась оттуда на все остальные районы страны, пришла идея полицентрического происхождения китайской цивилизации, возникшей в результате взаимодействия 4–6 цивилизационных центров, одному из которых посвящена данная работа.

С начала 1970-х гг. в Сычуаньской котловине открыты многие замечательные археологические памятники бронзового века, наиболее крупный из которых – Саньсиндуй – даже попал в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Памятник представляет собой довольно крупное городище. Внутри исследователями выделяются несколько функционально различных районов. В южной части были открыты два выдающихся комплекса – так называемые жертвенные ямы № 1 и № 2, благодаря которым он и получил мировую известность. Ямы содержали вещи из бронзы, золота, нефрита, камня других пород, янтаря, керамики, слоновьи бивни, жжёные кости и морские раковины. Находки были разломлены и обожжены, что привело исследователей к выводу о связях ям с определённой церемонией жертвоприношения, что соответствует надписям на гадательных костях эпохи Шан, описывающих ритуал *ляоцзы* (жертвоприношение путём сожжения) [Лабецкая 2006, с. 57]. В первой яме (ZK1) насчитывалось 420 предметов, во второй (ZK2) – около 1300, в том числе 735 бронзовых изделий, включая уникальные для Китая, такие, как бронзовая ростовая статуя стоящего человека общей высотой 2,6 м [Комиссаров 2012, с. 82]. Бронзовые изделия демонстрируют высокий уровень литейного производства, ни в чём не уступая шанским того же времени, но имеют другие корни, что проявляется как в принципах

изготовления бронзовых предметов, так и в изобразительной традиции и физиономических характеристиках антропоморфных находок [Варенов 2008, с. 155].

Это открытие позволило выделить особую культуру эпохи бронзы – *саньсиндуй*. В данном исследовании для нас важно попытаться в некоторой степени реконструировать семантику этого богатого комплекса храмовых ритуальных вещей, связать их с существующими общекитайскими и локальными мифами.

Ритуал – материальная форма обращения к идеям верований и культов; в то же время, это важная структурная единица, которая диктует, каким именно образом нужно действовать, чтобы не навредить существующему порядку вещей [Лабетская 2006, с. 39]. Реконструкция мировоззрения древних на археологическом материале может быть признана удачной только при рассмотрении не определённого отдельно взятого элемента, а всей достаточно сложной многофигурной композиции. В идеальном случае ей соответствует законченный мифологический текст. При отсутствии релевантного текста (в большинстве случаев) мы будем исходить из структуры самого изделия и мифологических аналогий других культур.

Солярные изображения довольно распространены в культуре *саньсиндуй*. В первую очередь, это бронзовые «предметы в виде солнечного диска», получившие своё название благодаря круглой форме и внутренним спицам – лучам, и часто встречаемая на ритуальных предметах орнаментация рядом окружностей со спицами внутри. С солярным культом связывают и два так называемые «дерева духов». Одно из них достигает в высоту 396 см, в жертвенную яму помещалось разломленным и обожжённым. На круглом основании находки помещалась трёхногая опора, похожая на горы, из вершин которых выходил ствол дерева. На стволе располагались три уровня по три ветви на каждом. Каждая ветвь заканчивалась цветком, внутри которого находился плод с фигуркой хищной птицы с загнутым клювом. Ствол и цветы также были орнаментированы окружностями, которые могут быть интерпретированы как солярные изображения [Комиссаров 2010, с. 124]. Вдоль ствола к одному из гор-оснований спускался рогатый дракон. К сожалению, вершина дерева не сохранилась. Второе дерево представлено лишь частично, но в целом идентично первому, за исключением наличия у основания коленопреклонённых антропоморфных фигур с какими-то предметами в руках [Саньсиндуй цзисыкэн 1999, с. 214].

Образ мирового дерева является классическим для многих мифологических систем, он олицетворяет собой универсальную структуру мира, «корнями» уходящую в подземный мир, а «ветвями» достигающую солнца и небес [Евсюков 1988, с. 51]. В китайской

мифологии этот образ достаточно распространён – деревья *фусан*, *жому*, *сюньму*, *цзяньму* имеют большое космологическое значение [Чэнь 1998, с. 34].

В общекитайских солярных мифах также встречаются упоминания о петухе, который своим кукареканьем прогонял злых духов ночи. Он сидел на вершине священного дерева и было бы очень логично разместить такого петуха на отсутствующей вершине «дерева духов», тем более, что реалистичная и подходящая по размерам бронзовая фигурка была найдена в той же жертвенной яме [Комиссаров 2010, с. 125].

В мифах священное солярное дерево *жому* должно было располагаться на западе, а легендарное государство Шу, с которым соотносят культуру *саньсиндуй*, как раз и представляло собой юго-западную окраину известного мира. Более того, местность Дугуан, где в древнекитайских мифах росло солярное древо, ассоциируется с нынешней провинцией Сычуань. Юань Кэ упоминает миф о правителе Запада Шаохао, который был рождён у тутового дерева с плодами-солнцами [Юань 1987, с. 44]. Впоследствии он основал необычное государство, где всеми чиновниками являлись птицы, а его сын, существо с человеческим лицом и телом птицы, также стал духом дерева. Здесь на себя обращает внимание не только обилие птиц и солярное дерево, важно то, что в Саньсиндуй была найдена фигурка, изображающая птицу с человеческой головой. Возможно, это иллюстрация указанного мифа. Кроме того, столь явное деление дерева на три уровня может в некоторой степени быть связано и с представлениями о верхнем, среднем и нижнем мирах. Наличие дракона у подножия дерева, существа с медиативной сущностью, представляется весьма уместным в рамках данной концепции.

Особого внимания заслуживает и т.н. «священный алтарь». На его основе мы попытаемся реконструировать систему мироустройства, состоящую из четырёх уровней. Нижняя часть представлена зооморфным существом, которое несёт на себе всю конструкцию, затем следуют четыре антропоморфные фигуры, держащие руки в ритуальной позе, далее расположены четыре горы, на вершинах которых высится ещё один уровень, представляющий собой храм (?) с маленькими фигурками в ритуальных позах внутри. Далее находка обломана и, вероятно, первоначально был ещё и пятый уровень.

Возможно, эта конструкция иллюстрирует существовавшую систему мироустройства, где нижний уровень соотносился с зооморфным существом, далее следовали боги-хранители, защищающие этот мир и соотносимые с четырьмя сторонами света. Средний мир, мир людей, расположенный на вершинах мировых гор, представлен жрецами в храме, проводящими особый ритуал [Варенов 2009, с. 248, 249]. О верхнем мире и его устройстве, к сожалению, мы ничего не знаем.

В Саньсиндуй бесспорно существовал культ первопредка. Судя по легендам, Цаньцун, родоначальник народа Шу, почитался как верховный предок, научивший людей заниматься разведением шелковичных червей [Юань 1987, с. 183]. Правда, у него была одна особенность – вертикально расположенные глаза и, вероятно, эта и другие характерные черты внешности Цаньцуна отражены в антропоморфных масках с выпуклыми зрачками из жертвенных ям Саньсиндуй. В данном контексте нельзя не упомянуть о возможных изображениях червей среди находок жертвенных ям. Возможно, их изображениями являлись слоновьи бивни, которые в большом количестве встречаются в жертвенных ямах и предположительно – в руках жрецов на одном из уровней «священного алтаря».

До нас дошло ещё четыре имени легендарных правителей древнего государства Шу (по другой версии – правящих династий): Байгуань (кипарис), Юйфу (рыба и баклан), Дуюй (кукушка) и Каймин (просвещённый). Только в случае с именем Юйфу мы можем выявить определённую привязку к находкам: в первой жертвенной яме был обнаружен золотой посох с изображением птиц, несущих на спинах стрелы, которые протыкают тела рыб. Сам этот образ несёт очень много информации, начиная от важной роли охоты и рыболовства, заканчивая возможной враждой племён с этими животными в качестве священных прародителей. Важно отметить, что образы птицы-рыбы встречаются и в других сочетаниях на более поздних памятниках.

В жертвенных ямах обнаружено много достаточно реалистичных зооморфных изображений, что говорит о существовании ряда анимистических культов, что достаточно характерно и для среднего Хуанхэ. Например, в трактате *Чжоу ли* в представлении чжоусцев все духи имели, как правило, звериный облик: духи рек и озёр воспринимались в виде птиц, духи гор и лесов – в виде кошачьих хищников, духи холмов и возвышенностей – в виде пресмыкающихся [Васильев 2003, с. 41]. Особое место в культуре *саньсиндуй* занимает образ птицы: это и птицы на бронзовом дереве, и отдельные фигурки и украшения в верхней части нефритовых скипетров, а также фантастические образы птицы с человеческой головой или не сохранившаяся полностью фигурка человека с птичьими когтями. Рыбы встречаются реже, например, в виде украшений скипетров или отдельных подвесок из золотой фольги. У Юань Кэ встречается упоминание о правителе Юйфу, который по время охоты вознёсся на небо, а следующий за ним Дуюй показал людям, как правильно сеять злаки, придерживаться сезонов и не опаздывать с работой на полях [Юань 1987, с. 185]. Возможно, таким образом, можно проследить кардинальные изменения хозяйственного уклада носителей культуры *саньсиндуй* – переход от промыслового уклада к сельскохозяйственному.

Многочисленные бронзовые антропоморфные и зооморфные изображения, статуи и маски достаточно унифицированы в плане физиономических характеристик и не имеют индивидуальных особенностей (за исключением причёсок), для них характерны неестественно растянутые рты, миндалевидные глаза, выраженные скулы, большие уши, что может означать, что сами «лица» являются изображениями не людей, а масками для проведения церемоний. Эти находки достаточно громоздки для того, чтобы надевать их на лицо или держать в руках, скорее всего, они служили украшениями статуй и интерьера храмов [Чэнь 1998, с. 31]. Причём, особенно выделяется статуя бронзового человека в полный рост, запечатлённого в ритуальной позе, некоторые китайские исследователи интерпретируют этот образ как изображение жреца-служителя, причём, судя по масштабам находок, довольно масштабного общегосударственного культа [Чжан 2005, с. 27–33].

Уникальной находкой является нефритовый скипетр, украшенный изображениями гор (?), между которыми помещались миниатюрные скипетры и предметы, по форме похожие на слоновьи бивни.

Бронзовая ритуальная утварь встречается по всему Китаю, она использовалась для проса и вина, предназначенного для ритуального общения с божествами. В случае с Саньсиндуй внутри бронзовых сосудов были найдены морские раковины и нефритовые плоские кольца.

Плоские нефритовые и бронзовые кольца, пришедшие в Саньсиндуй с нижнего течения Янцзы, как правило, находят установленными друг на друга в виде башни. В *Чжоу ли* есть описание, «синяя регалия *би* – для ритуала в честь Неба, жёлтая регалия *цун* – в честь Земли, красная *чжан* – в честь Юга, чёрная *хуан* – в честь Севера» [Чэнь 1981, с. 28]. Эти многочисленные находки связывают не только со сторонами света, но и с особым почитанием неба и солнца [Васильев 2003, с. 39].

Ритуальное оружие – бронзовые, нефритовые и каменные клевцы, они слишком тонкие и не имеют следов использования. Эти предметы использовались исключительно для религиозных нужд. Слоновьи бивни, найденные в большом количестве, так же не использовались для каких-то других целей и не подвергались обработке. Они представляли собой самый верхний слой жертвенных ям, которым покрывались все остальные находки.

Опираясь на доступный нам археологический материал, можно выделить четыре типа проведения церемоний:

Первый тип. В церемонии использовалась бронзовая жертвенная утварь и иногда вотивная керамика. Сосуды заполнялись морскими раковинами, нефритовыми плоскими кольцами, бусинами и т.д., а в небольшие керамические чаши помещались зёрна. Кости жертвенных животных и сосуды обжигались и помещались в яму в особом

порядке. В случае с жертвенными ямами памятника Саньсиндуй, по периметру выставлялись полые внутри бронзовые головы (некоторые экземпляры были также наполнены нефритами и раковинами).

Второй тип. Церемония проводилась вне храма. Нижний ряд орнамента одного из нефритовых скипетров показывает, что скипетры и слоновьи бивни помещались между горами (?), а верхний ряд орнамента изображает нескольких жрецов в молитвенных позах. В *Шань хай цзин* описывается жертвоприношение духам гор. Основным атрибутом должны были выступать священные нефриты, играющие роль возвращённого дара, т.е. горам возвращалось то, что ранее было у них отнято [Чэнь 1981, с. 29].

Третий тип. Церемония проводилась при использовании ритуальных предметов, которые держали в руках. Иллюстраций данному типу обряда найдено много, это и большая антропоморфная статуя «правителя», и статуя человека в головном уборе в виде зооморфной личины, и антропоморфные коленопреклонённые статуи и т.д. В основном, руки в данном случае находились на уровне плеч и ритуальный предмет держался обеими руками за рукоять или основание, исключением являлись лишь только маленькие статуи священного алтаря, обхватывающие предмет сверху и снизу. Что касается самих предметов, то они различны, это, как правило, тонкие нефритовые или бронзовые скипетры, или предметы, напоминающие слоновий бивень (или шелковичного червя?).

Четвёртый тип. Церемония проводилась с ритуальным сосудом на голове. Показательным для этого типа является статуя коленопреклонённого человека с сосудом на голове, стоящего на конусообразном основании.

Приведённые в данной работе мифологемы – солярные мифы, образ мирового древа, миф о первопредке и других легендарных правителях, образы животных-хранителей, представления о модели мира – характерны практически для всех мифологических систем, но многие оригинальные детали говорят о наличии множества самобытных пластов, которые пока не поддаются реконструкции. Что касается заимствований с других территорий, то нужно отметить, что в Сычуани «прижились» лишь некоторые ритуальные предметы, порой не самые распространённые в остальном Китае, что говорит о целенаправленном и избирательном заимствовании. Так, например, пегух и «дерево духов», изображения драконов, жертвенная утварь характерны для северных культур Китая, а раковины каури, ритуальные нефриты очевидно пришли с нижнего течения Янцзы.

Более того, для производства предметов из металла такого масштаба нужна была сильная государственная власть и развитая система организации производства т.к. сбор материала, его доставка,

обработка, производство требуют больших затрат, при том, что месторождения меди находились довольно далеко от городища, а мастерские – на территории самого памятника. Это был устойчивый общегосударственный культ с традицией почитания солнца и первопредка, с масштабными ритуалами, жертвоприношениями, храмовыми комплексами, что говорит о развитой и самодостаточной системе организации общественной жизни.

Литература

Варенов 2009 — *Варенов А.В., Гирченко Е.А.* Культурные бронзы Саньсиндуй и пути их семантической интерпретации. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Т. XV. Новосибирск, 2009.

Варенов 2008 — *Варенов А.В., Гирченко Е.А.* Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 года. Том XIV. Новосибирск, 2008.

Васильев 2001 — *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.: Вост. лит., 2001.

Евсюков 1998 — *Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита. Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1998.

Комиссаров 2010 — *Комиссаров С.А.* Мифы, воплощенные в бронзе (об интерпретации археологических памятников культуры Саньсиндуй) // Китай и окрестности: Мифология, фольклор, литература: К 75-летию академика Б.Л. Рифтина. М.: РГГУ, 2010.

Комиссаров 2012 — *Комиссаров С.А., Гирченко Е.А.* Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 6: Археология и этнография. Новосибирск, 2012.

Лабеецкая 2006 — *Лабеецкая Е.П.* Реконструкция религиозных верований народов Юго-Западного Китая в период развитой бронзы: Квалификационная работа / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 101 с.

Саньсиндуй цзисыкэн 1999 — Саньсиндуй цзисыкэн (Жертвенные ямы Саньсиндуй). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999.

Чжан 2003 — *Чжан Сяома.* Саньсиндуй фангодэ у – цинтун ли жэньсян юй гуйцзо жэньсян яньцзю (Шаманы царства Саньсиндуй – изучение бронзовых статуй стоящего и коленапреклоненного человека) // Сычуань вэньу (Материальная культура Сычуани). 2003, № 5.

Чэнь 1998 — *Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган.* Саньсиндуй. Чанцзян шанью вэньмин чжунсинь таньсо (Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы). Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998.

Чэнь 1981 — *Чэнь Дэань.* Шиси Саньсиндуй ичжи шандай ихао кэндэ синьчжи цзи югуань вэньти (Попытка анализа характера первой жертвенной ямы шанского времени памятника Саньсиндуй и освещение соответствующих проблем) // Сычуань вэньу (Материальная культура Сычуани). 1981, № 4.

Юань 1987 — Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина. М.: Наука, 1987.

Иллюстративный материал
(по: [Саньсиндуй цзисыкэн 1999])

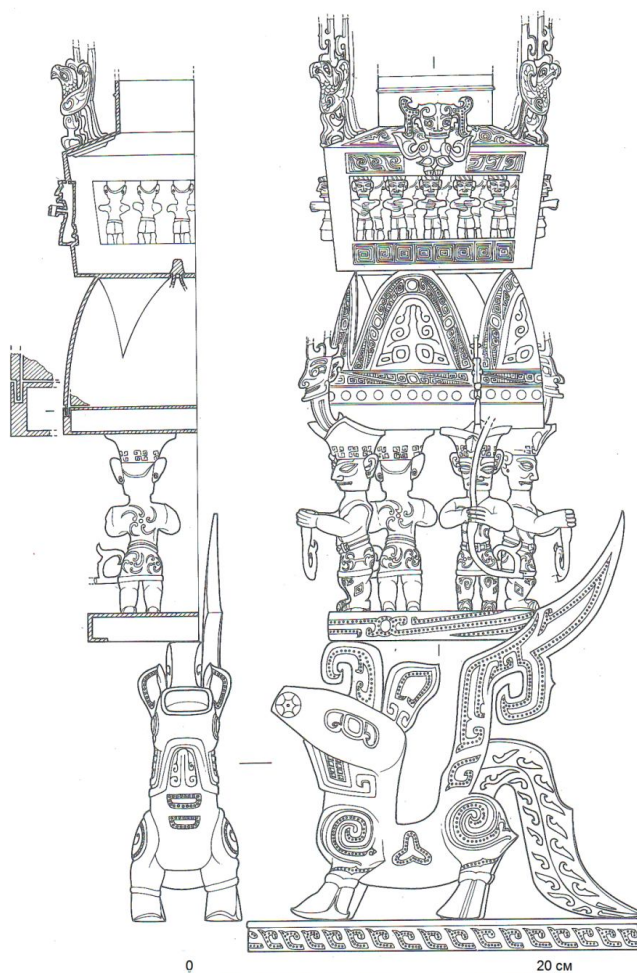

Рис. 1. Бронзовый «священный алтарь», представляющий собой систему мироустройства носителей культуры *саньсиндуй*. Жертвенная яма № 2, памятник Саньсиндуй.

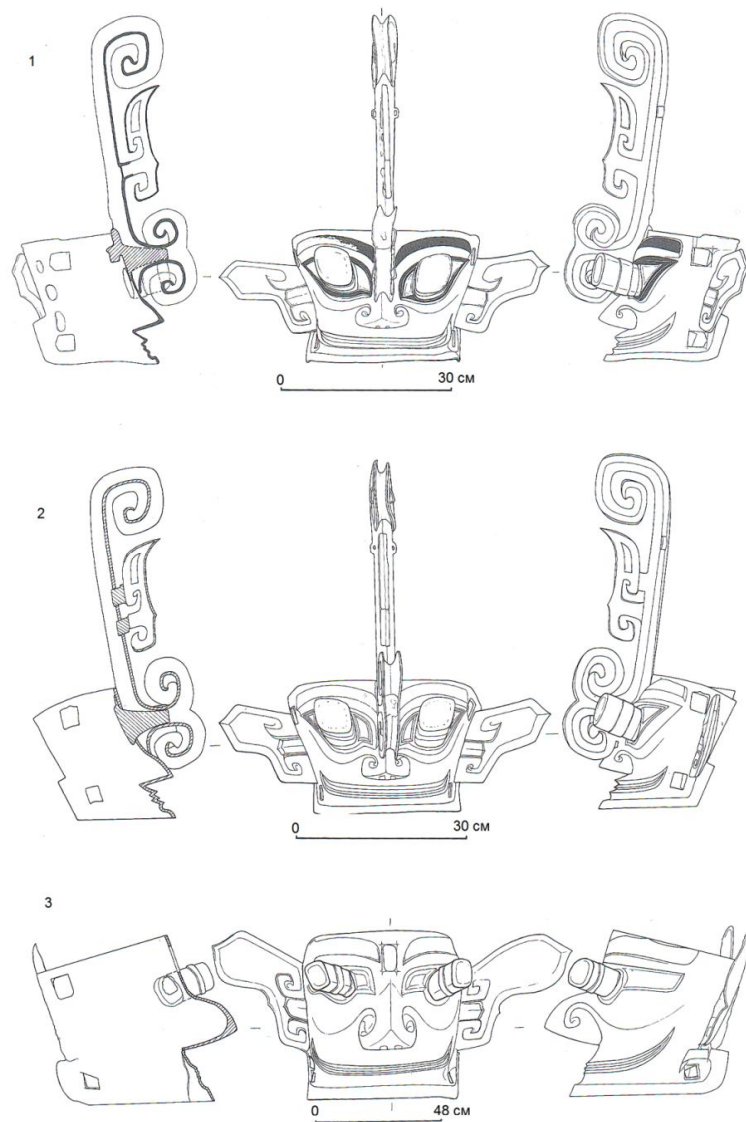

Рис. 2. Бронзовые маски с выпуклыми зрачками, предположительно изображающие верховного первопредка Цаньцуна. Жертвенная яма № 2, памятник Саньсиндуй.

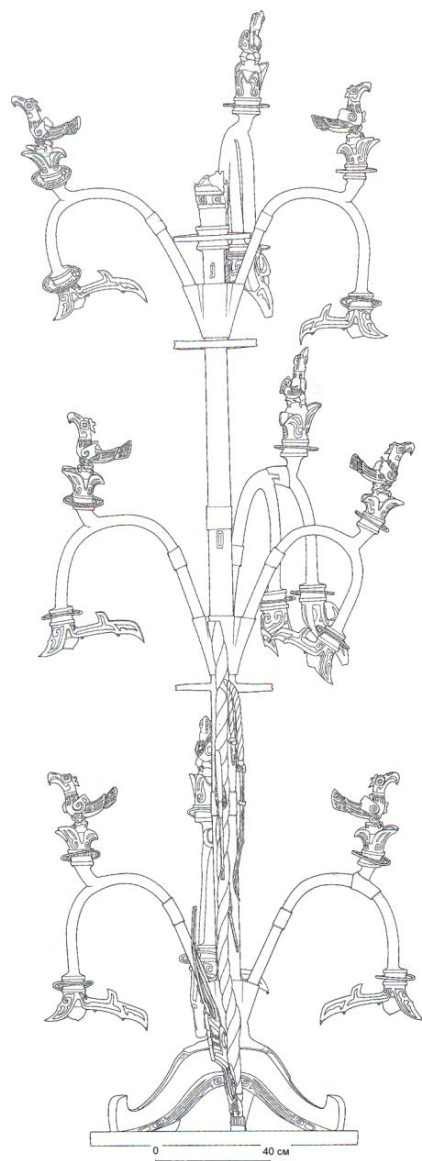

Рис. 3. Бронзовое «дерево духов». Жертвенная яма № 2, памятник Саньсиндуй

Ekaterina Girchenko

Some religious beliefs of *sanxingdui* culture

This paper presents a review of some specific features of *sanxingdui* bronze age culture spread in Sichuan. Analysis of bronze masks, heads, trees, altars help us to reconstruct some religious beliefs, specifically solar cult, the structure of the universe, the world tree etc. The findings demonstrate high level of foundry, but have roots different from those of Huanghe basin cultures, which is seen in the principles of making bronze objects and in the physiognomic characteristics of anthropomorphic finds.

Key words: bronze age, *sanxingdui*, religious beliefs, solar cult, world tree.